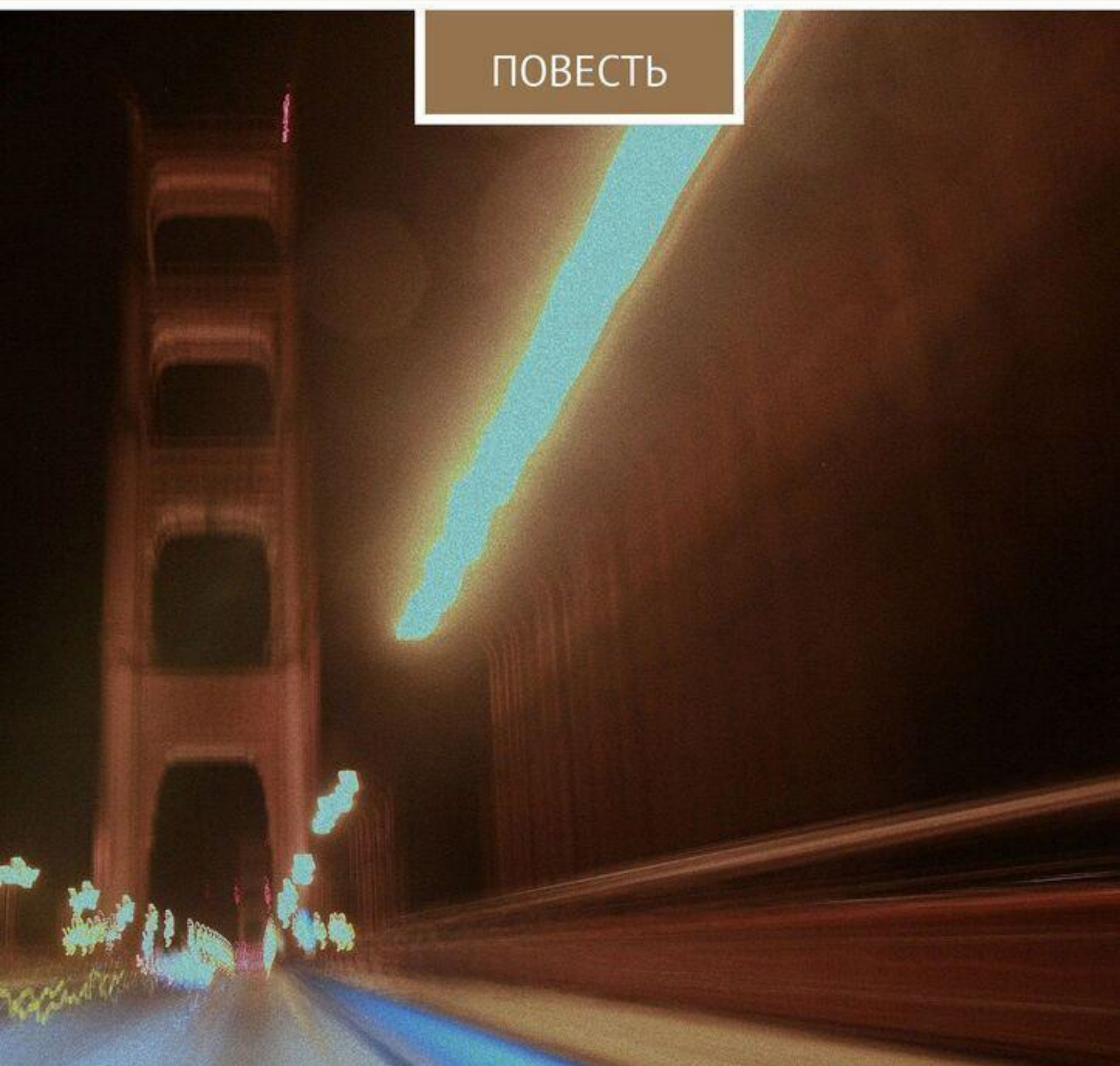

18+

НИКОЛАЙ В. НЕЛИДОВ

Реплика счастливой ЖИЗНИ

ПОВЕСТЬ

Николай В. Нелидов

**Реплика счастливой
жизни. Повесть**

«Издательские решения»

Нелидов Н.

Реплика счастливой жизни. Повесть / Н. Нелидов —
«Издательские решения»,

Аркадий, циничный художник и аналитик, знакомится в кофейне с Верой, уставшей банковской служащей, — ссора из-за её сумки-реплики. Их встреча перерастает в череду разговоров о любви, страхе, подделках и оригинальности. Вместе они учатся видеть настоящее в неидеальном, строить счастье из «реплик» и ценить простые вещи. Эта история о том, как два раненых одиночества находят друг друга и создают свой уникальный, пусть и «неправильный», но настоящий мир.

© Нелидов Н.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Реплика счастливой жизни Повесть

Николай В. Нелидов

Дизайнер обложки Николай Владимирович Ромащенко

© Николай В. Нелидов, 2026

© Николай Владимирович Ромащенко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1660-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Аркадий просыпался всегда в шесть сорок семь. Не в шесть сорок пять и не в шесть пятьдесят, а именно в шесть сорок семь. Это была не привычка, а какая-то биологическая капитуляция перед реальностью, которую не могли отменить ни выходные, ни творческий запой. Внутренний будильник, сволочь такая, срабатывал без сбоев, как таймер на бомбе, заложенной еще в прошлой, женатой жизни.

Он открыл глаза и уставился в потолок. По белому фону расплзалась тонкая, как капилляр, трещина. Аркадий смотрел на нее каждое утро последние лет пять. Трещина никуда не спешила, и в этом было что-то успокаивающее. Она напоминала русло высохшей реки на карте — карте какой-то неведомой страны под названием «Потолок». Страна была тихой, бедной, но независимой.

Квартира, которую он гордо именовал «берлогой», представляла собой стандартную однокомнатную ячейку в панельной коробке на окраине. Но внутри она мутировала, как мутирует под воздействием радиации обычная муха. Стены были завешаны и заставлены его работами. Акварели, графика тушью, холсты на подрамниках — всюду буйствовал цвет, линия, форма. Здесь был лес, которого не существовало в природе, но который снился Аркадию с детства. Там, в этом лесу, росли деревья с лицами стариков, а корни их оплетали чугунные городские люки. Здесь был портрет неизвестной женщины, написанный в манере, которую он сам называл «пьяный Модильяни после зарплаты». Здесь же, на мольберте, стояла новая работа — фантастический город, где готические шпили проросли сквозь советские хрущевки, и все это освещалось тремя лунами.

Спасательный круг, а не хобби. Вот чем была для него живопись. Спасательным кругом в море офисного дерьма.

Он сел на кровати, почесал седую грудь и посмотрел на фотографию на тумбочке. С фотографии смеялась Машка. Шестилетняя принцесса с двумя передними зубами, один из которых уже шатался, а второй держался из чистого упрямства. Она была похожа на него, но в тысячу раз лучше. Как будто природа взяла его грубый эскиз и создала из него шедевр. Аркадий улыбнулся. Ради этого шедевра он был готов не только писать скучные отчеты, но и, если понадобится, выйти голым на Красную площадь и спеть гимн Советского Союза. Благо, времена были уже не те.

Машка жила с матерью, его второй бывшей женой, женщиной с характером нордической богини и практичностью бухгалтера. Алименты он платил исправно, до копейки, потому что знал: финансовая несостоятельность — это та единственная вина, которую общество не прощает мужчине, будь он хоть трижды Микеланджело. А для его бывшей жены алименты были не деньгами, а актом сатисфакции, епитимьей, которую он должен был выплачивать за сам факт своего творческого, беспокойного, а значит — неудобного существования.

Утро катилось по накатанной. Кофе в старой турке, той самой, с деревянной ручкой, которая помнила еще его студенчество и первые победы над холстом. Горячая вода в душе, которая то обжигала, то становилась ледяной, когда кто-то из соседей открывал кран на кухне. Этот аттракцион невиданной щедрости местного водоканала был привычен, как хронический насморк.

Одежда. Он ненавидел офисный дресс-код так же искренне, как Машка ненавидела манную кашу. Для него это была униформа проигравших, которые пытались изобразить победителей. Белая рубашка — символ лживой чистоты, галстук — петля на шее индивидуальности, брюки со стрелками — стрелы, пронзающие твою свободу. Но он подчинялся. Потому что Машке нужны были не его философские концепции, а новые туфли и поездка в летний лагерь.

На столе, рядом с ноутбуком, лежал раскрытый блокнот. Ночью он писал. Это была не сказка про ежика Федю, а один из тех самых рассказов — циничных, злых, про отношения. Про мужчину и женщину, которые любили друг друга, но так и не смогли понять, что любовь — это не сражение, а капитуляция. Он перечитал последний абзац, поморщился. «Слишком пафосно, — подумал он. — Как будто Достоевского накормили антидепрессантами и заставили писать сценарий для бразильского сериала». Он закрыл блокнот. Пусть полежит. Дозреет.

Дорога до работы была привычным погружением в ад. Маршрутка, набитая телами, чужим дыханием и агрессивным шансоном из динамиков. Запах бензина, дешевого парфюма и безысходности. Аркадий смотрел в окно на проплывающие мимо серые коробки новостроек, на рекламные щиты, обещавшие райскую жизнь в кредит, и думал о том, что человечество эволюционирует не вверх, а вширь. Вширь потребления, вширь желаний, вширь пустоты.

Офис. Оупенспейс, который он называл «террариумом для менеджеров». Сотни аквариумов с перегородками, где плавали пестрые рыбки в галстуках. Воздух здесь был спертый, пропитанный амбициями, разочарованием и запахом разогретой в микроволновке еды. Его начальник, существо по фамилии Пупков, с лицом хорька, страдающего диабетом, уже стоял над душой у какого-то клерка, вещая о синергии и выполнении KPI. Пупков любил иностранные слова, потому что за ними было удобно прятать полное отсутствие мысли. Аркадий сел за свой стол, включил компьютер и приготовился к очередному дню в симуляторе бесполезной деятельности.

Он часто думал о том, что вся его жизнь — это череда реплик. Он — реплика художника, потому что вынужден продавать не искусство, а свое время. Его рассказы — реплика литературы, потому что их никто не читает, кроме пары друзей и Машки, которая еще не умеет читать, но любит картинки. Его квартира — реплика дома, потому что дом — это где тебя ждут, а ждала его только тишина и трещина на потолке.

Единственным подлинником в его жизни была Машка. И еще, может быть, это странное, почти болезненное чувство, которое он испытывал, когда брал в руки кисть и прикасался ею к бумаге. В этот момент мир вокруг переставал существовать. Звуки исчезали. Краска, смешиваясь с водой, рождала цвет, и этот цвет был честнее любых слов.

В тот день, после работы, он не поехал сразу домой. Решил зайти в кофейню. В «Кофеиновый рай». Название было таким же претенциозным и лживым, как и все вокруг. Рай не может пахнуть пережженным кофе и хлоркой. Но им в «Кофеиновом раю» делали скидку, и бариста, по крайней мере, не пыталась изображать дружелюбие. Очередь была гигантской. Пупков устроил внеплановый разнос за невыполненные показатели, и Аркадию требовалась лошадиная доза кофеина, чтобы смыть из души осадок от общения с начальником.

Он встал в очередь. И увидел ее. Женщину. Спину, обтянутую дорогим, но безликим плащом. И сумку. Сумку, которая кричала. Огромную, глянцевою, с золотыми буквами L и V, сплетенными в экстазе дешевого гламура.

Аркадий смотрел на эту сумку, и она казалась ему квинтэссенцией всего того, что он презирал. Фальшивый знак отличия, принадлежности к касте, в которую ее обладательница явно не входила. Сумка была как крик о помощи на языке, которого никто не понимал. Крик: «Посмотрите на меня, я существую! Я что-то значу!». Но означала она только то, что ее хозяйка стала жертвой самого масштабного обмана столетия — идеи, что вещь может сделать человека более значительным.

Он долго терпел. Очередь не двигалась. Девушка за стойкой с лицом сомнамбулы медитировала над кофемашиной. А женщина перед ним все копалась и копалась в своей бездонной сумке-монстре, не в силах найти кошелек. Это было смешно и жалко одновременно. Квинтэссенция тщетности. Аркадий почувствовал, как внутри закипает та самая, знакомая смесь злости, усталости и вдохновения, которая обычно предшествовала либо скандалу, либо созданию

лучших его работ. Он не был злым человеком. Он был просто человеком, который слишком много внимания обращал на детали и слишком мало — на правила приличия.

И он произнес фразу. Тихо, почти интимно, наклонившись к ее уху. Слова сложились сами, отточенные годами внутренних монологов:

— Мадемуазель, поторопитесь, пожалуйста... И возвращайтесь уже к своей поддельной жизни, такой же, как ваша сумка от Луи, простите, Витона...

Сказал и замер. Внутри все похолодело от собственной беспричинной жестокости. Вот сейчас она повернется, и начнется вторая часть марлезонского балета — истерика, оскорбления, звонок администратору. Он уже представил себе красное, искаженное гневом лицо. Он приготовился к войне, потому что в глубине души, как любой русский интеллигент, был фаталистом и мазохистом.

Женщина обернулась. И мир Аркадия, этот уютный, устоявшийся мирок цинизма и сарказма, треснул по швам, как пересохший холст.

Она не была красной от гнева. Она была просто уставшей. У нее были зеленоватые, умные, насмешливые глаза, в которых плескалась не обида, а странное, ответное понимание. Легкие морщинки у глаз, которые говорили не о возрасте, а о привычке смеяться над абсурдом. И она сказала спокойно, с достоинством, которого он никак не ожидал:

— Она не подделка. Она у меня реплика.

И в этот момент Аркадий понял две вещи. Первое: он только что встретил самого интересного человека за последние десять лет. И второе: слово «реплика» никогда больше не будет звучать для него так же, как раньше.

Мир перевернулся. И трещина на потолке его вселенной внезапно стала похожа не на русло высохшей реки, а на первые, робкие линии будущего шедевра.

2

Верина жизнь была налажена, как бухгалтерский баланс. Дебет с кредитом сходился почти всегда. В графе «карьера» стояла скромная, но стабильная цифра. В графе «личная жизнь» — прочерк, который она сама старательно выводила уже несколько лет, потому что так было спокойнее. Прочерк не обманет, не предаст и не потребует на ужин борщ, когда у тебя мигрень.

Она жила в квартире, которую получила после второго развода. Квартира была как поле битвы после перемирия: дорогой ремонт, сделанный по стандартам бывшего мужа («Вера, никакой лепнины, это же мещанство, минимализм, только минимализм, как в Сингапуре»), и ее собственные, чудом уцелевшие островки уюта. Например, кресло. Старое, продавленное, обитое вытертым зеленым велюром, которое она тайком перевезла от мамы. Бывший муж, увидев это кресло в своей сингапурской гостиной, побледнел: «Это что, из секонд-хенда?». «Это из моего детства», — ответила Вера. Кресло осталось. Муж — нет.

Теперь, сидя в этом кресле с чашкой зеленого чая, Вера часто думала о том, что её жизнь — это тоже своего рода реплика. Реплика на тему «успешная современная женщина». Есть карьера — но не головокружительная. Есть квартира — но в спальном районе. Есть взрослый сын — но с эмоциональным интеллектом калькулятора. Есть свобода — но от неё почему-то тянет зевать.

Сын Андрей был её главной загадкой. Она родила его в двадцать, когда сама еще играла в куклы, только куклой был живой, орущий комочек. Его отец, романтичный физик-теоретик с глазами, устремленными в космос, считал, что подгузники и бессонные ночи — это «не его область научных интересов». Он мог часами рассуждать о черных дырах, но не мог найти в квартире стиральную машину. Когда Андрею было три, физик ушел. Не к другой женщине — к другой Вселенной. В буквальном смысле. Получил грант, уехал работать в ЦЕРН и сгинул где-то среди адронных коллайдеров. Иногда он присылал Андрею открытки с формулами вместо слов. Андрей в пять лет пытался их решать.

Второй брак был попыткой выстроить жизнь по-другому. Без космоса. С земной, надежной, финансово устойчивой платформой. Вадим, успешный бизнесмен, торговал стройматериалами и имел ко всему прагматичный подход. «Любовь, — говорил он, — это инвестиция. Ты вкладываешь время, деньги, нервы и рассчитываешь на дивиденды». На первых порах дивиденды были — рестораны, курорты, новая машина раз в два года. Но потом Вера поняла, что она сама стала частью его инвестиционного портфеля. И когда её «доходность» в плане внешнего вида и социального статуса перестала расти, интерес инвестора угас. Они расстались без скандалов. Вадим оставил ей квартиру, сказав на прощание: «Ты была хорошим активом, Вера. Но рынок диктует перемены». С тех пор слово «актив» вызывало у неё нервный тик.

Андрей впитал прагматизм Вадима как губка. С ранних лет он мерял мир категориями эффективности. «Мам, зачем ты читаешь эту книгу? В ней же нет практической пользы». «Мам, почему ты плачешь над фильмом? Это же просто набор пикселей, сгенерированных компьютером». К двадцати трем годам он превратился в идеального айтишника: умного, циничного и уверенного, что все человеческие чувства — это лишь гормональный фон, который можно отрегулировать парой таблеток. У них были странные отношения. Вера любила его отчаянно, но не понимала. Андрей, кажется, тоже любил её, но считал это системной ошибкой, которую не может исправить.

В день, о котором пойдет речь, Вера проснулась с ощущением, что её кредит доверия к мирозданию исчерпан. Утро началось с того, что в банке, в её любимом банке «Траст Инвест», случился очередной «рабочий момент». Момент имел лицо и фамилию — Маргарита Сергеевна, клиентка лет шестидесяти, которая пришла закрывать вклад.

— Вы понимаете, что вы меня грабите?! — её голос, визгливый и требовательный, разносился по всему отделению. — Я открывала вклад под восемь процентов, а теперь вы говорите, что процентная ставка плавающая и по факту я получу три! Где это написано?!

— В договоре, Маргарита Сергеевна, — Вера сохраняла ледяное спокойствие. — Пункт четыре, подпункт «б», мелкий шрифт. Я вам зачитывала его при подписании.

— Я не помню! — отрезала клиентка. — Вы должны были убедиться, что я поняла!

— Я убедилась. Вы кивали.

— Я кивала, потому что у меня шейный остеохондроз! А вы воспользовались моей беспомощностью!

Вера мысленно досчитала до десяти. Фраза «шейный остеохондроз как основание для финансовой неграмотности» могла бы стать отличным началом для сатирического рассказа, но, увы, это была её реальность. Она уладила конфликт. Вызвала управляющего, согласовала компромисс, проводила Маргариту Сергеевну до дверей, выслушав напоследок вердикт: «Вы бессердечная машина, а не женщина!».

Бессердечная машина. Отлично. Она и сама иногда так думала.

После работы нужно было разобраться с мамой. Мама, Тамара Павловна, жила в другом районе и считала, что мобильный телефон — это портал в ад, а банковские карты — метка Антихриста. «Вера, зачем ты работаешь в этом рассаднике греха? — вопрошала она по телефону с завидной регулярностью. — Ты же умная женщина. Шла бы в библиотеку. Там тихо, пахнет книгами и нет этих... процентов». Вера каждый раз терпеливо объясняла, что в библиотеке платят в десять раз меньше, но мама была непреклонна. Сегодня мама звонила трижды. У неё сломалась микроволновка, и она требовала, чтобы Вера срочно приехала и починила «этот дьявольский агрегат».

Вера ехать не могла. У неё была назначена встреча с риелтором. Она вдруг, в порыве тоски и самокопания, решила продать дачу. Дачу, которая досталась ей от бабушки и где она не была уже лет пять. Дом ветшал, участок зарастал борщевиком, а воспоминания, связанные с этим местом, были не самыми радужными — там прошло детство, полное комаров и скуки. Риелтор, бодрый молодой человек с улыбкой акулы, убеждал её, что «этот объект — конфетка, мы его продадим за месяц». Вера смотрела на фотографии покосившегося крыльца и думала, что это не конфетка, а гнилой зуб. Но от зуба нужно было избавляться.

К пяти часам вечера она чувствовала себя выжатой, как тряпка, которой помыли пол в банковском опенспейсе. Ей хотелось только одного — горячего кофе и тишины. Она зашла в «Кофеиновый рай», потому что он был ближе всего, хотя кофе там был отвратительный. И застряла в очереди.

И вот тут, когда она рылась в своей дурацкой сумке, пытаясь найти проклятый кошелек, раздался этот голос. Мужской. С легкой хрипотцой, выдающей курильщика или человека, который много говорит сам с собой.

— Мадемуазель, поторопитесь, пожалуйста... И возвращайтесь уже к своей поддельной жизни, такой же, как ваша сумка от Луи, простите, Витона...

Что-то внутри Веры щелкнуло. Не возмущение. Не обида. А странное, почти радостное узнавание. Как будто она долго-долго смотрела в зеркало, видела там уставшую тетку с сумкой-репликой, и вдруг кто-то подошел сзади и сказал: «Я тоже это вижу».

Она обернулась. И увидела его. Немолодой, но ещё крепкий. Седые виски, мятое пальто, пальцы с несмываемыми следами краски под ногтями. И глаза. Умные, злые, смеющиеся. Глаза человека, который привык смотреть на мир с иронией, потому что иначе — невыносимо.

Она могла бы оскорбиться. Могла бы закатить скандал. Могла бы просто молча уйти. Но вместо этого она улыбнулась и сказала правду. Про реплику. Про сатиру. Про пародию. И увидела, как в его зрачках вспыхнул интерес. Не мужской интерес к женщине. Интерес шахматиста, который понял, что перед ним достойный соперник.

— Аркадий, — представился он.

— Вера, и мой «вдохновенный безвкусицей» латте, — она кивнула на свой стакан. — Присаживайтесь, если хотите.

Он сел. И начался разговор, ради которого, казалось, она и прожила все эти сорок два года.

Они говорили два часа. Сначала — пикировка. Она называла его «жертвой богемного сознания, которое оправдывает собственную неприспособленность к жизни высокими материями». Он парировал: «А вы — жертва корпоративной этики, которая променяла душу на ипотеку и абонемент в фитнес-клуб, куда всё равно не ходите». Она смеялась. Он улыбался. Они перескакивали с темы на тему, как блохи на старой собаке.

— Вы пишете рассказы? — переспросила она, когда он упомянул об этом между делом. — И о чем же? О высоком и вечном? О смысле бытия?

— О женщинах, которые не могут найти кошелек в бездонных сумках, — ответил Аркадий, прищурившись. — И о мужчинах, которые зачем-то лезут к ним с комментариями.

— И какой же финал у этого шедевра?

— Финал открытый. Герои либо убивают друг друга, либо женятся и живут долго и счастливо. Я ещё не решил, что печальнее.

Вера расхохоталась. Впервые за долгое время — искренне, громко, не сдерживаясь. Бариста за стойкой покосилась на неё с таким видом, будто стала свидетелем нарушения закона всемирного тяготения.

Потом они говорили о детях. Аркадий рассказывал о Машке, и его лицо менялось. Уходила желчь, проступала такая нежность, что Вере стало немного завидно. Она рассказала об Андрее, о его «бинарном коде чувств». Аркадий слушал внимательно, не перебивая.

— Знаете, Вера, — сказал он задумчиво, когда она закончила. — Мне кажется, ваш сын не так прост. Люди, которые громче всех кричат о рационализме, обычно тратят больше всего сил, чтобы заглушить в себе то, что не поддается рациональному объяснению.

— И что же это?

— Страх. Одиночество. Потребность в любви. Обычный джентльменский набор.

Они обнаружили, что живут в соседних домах, уже под конец. Когда он назвал свой адрес, Вера чуть не поперхнулась остывшим латте.

— Вы шутите? Мой дом — через двор. Я вижу ваши окна из своей спальни.

— Мир тесен, как бюджет провинциального театра, — развел руками Аркадий. — Теперь понятно, почему я иногда просыпаюсь от ощущения, что за мной кто-то наблюдает.

— Это не я, — усмехнулась Вера. — Это, наверное, ваши невыплаченные налоги.

Они вышли из кофейни вместе. Осенний вечер был сырым и промозглым. Ветер гонял по асфальту желтые листья и обрывки рекламных листовок. Они постояли немного у входа, не решаясь расстаться.

— Спасибо за диалог, Аркадий, — сказала Вера. — Давно мне не было так... интересно.

— Взаимно, мадемуазель с репликой, — он склонил голову в шутовском полупоклоне. — Если захотите продолжить наш турнир по словесному фехтованию, вы знаете, где меня искать.

— В очереди за плохим кофе?

— Везде, где есть повод для сарказма. А это, как вы понимаете, практически любая точка на карте нашей родины.

Она ушла первой. Шла через двор, мимо старой сирени, мимо детской площадки, где под тусклым фонарем качались пустые качели. В груди было странное, забытое чувство. Как будто она долго болела и вдруг почувствовала, что жар спадает, что можно снова дышать полной грудью.

Войдя в квартиру, она первым делом посмотрела на свою сумку. Та лежала в прихожей, огромная, нелепая, блестящая, как предмет вожделения большой вороны. Вера подняла её,

покрутила в руках, а потом аккуратно повесила на спинку стула. Раньше она всегда бросала её на пол.

Вечером позвонила Наталья.

— Ну что, дорогая, как день? — прощепетала подруга. — Смотрю, голос у тебя какой-то... подозрительный. Не заболела?

— Нет, Наташ. Не заболела. Я, кажется, встретила интересного человека.

— Мужчину?! — взвизгнула Наталья так, что Вере пришлось отодвинуть трубку от уха. — Богатый? Красивый? На чем ездит?

— На маршрутке, кажется. И у него несмываемые следы краски под ногтями.

В трубке повисла пауза. Потом Наталья изрекла с трагическим вздохом:

— Вера, ну сколько можно наступать на одни и те же грабли? Творческие личности — это же диагноз! У них никогда нет денег, зато всегда есть депрессия и претензия на гениальность.

— Знаю, Наташ. Но у него очень умные глаза. И он меня рассмешил.

— Ох, подруга... Смех смехом, а алименты и ипотека сами себя не заплатят.

Вера промолчала. Ей не хотелось сейчас думать об алиментах и ипотеке. Ей хотелось думать о том, что завтра она снова зайдет в «Кофеиновый рай», и, возможно, в очереди будет стоять тот же человек в мятом пальто. И они продолжат разговор о тщетности бытия. И это будет, пожалуй, лучшее событие дня.

Она легла спать, но долго не могла уснуть. Смотрела в свой безупречно-белый натяжной потолок и думала, что, наверное, даже у реплики может быть настоящая душа. Нужно только, чтобы кто-то эту душу разглядел. И не побоялся сказать об этом вслух.

За окном шумел дождь. Вера слушала его и улыбалась в темноте.

3

— Итак, — Вера отодвинула пустую чашку и посмотрела на Аркадия с тем особым прищуром, который появляется у человека, решившего зайти в дискуссии до самого конца, — вы, значит, полагаете, что вся современная культура — это клоака, а искусство умерло, и мы присутствуем при агонии?

— Я полагаю, — Аркадий откинулся на спинку пластикового стула, который жалобно скрипнул, — что искусство не умерло. Оно просто взяло потребительский кредит и теперь отрабатывает его в круглосуточном супермаркете. Стоит за кассой, пробивает штрих-коды и мечтает о выходном.

Вера хмыкнула. Ей нравился этот человек. Он был похож на старый, потрепанный томик философа, забытый кем-то на скамейке в парке. Обложка неказистая, зато внутри — сокровища.

— Хорошо, давайте разберем по косточкам, — она подалась вперед, поставив локти на стол, что было нарушением всех правил этикета, которые вбивала в неё мать. — Вот вы, художник. Вы пишете свои акварели. Вы творите. Для кого? Для вечности?

— Для Машки, — отрезал Аркадий. — Для себя. Для соседа, который однажды постучал в стену и сказал, что мои картины мешают ему спать. Он имел в виду, что я ругаюсь матом, когда не получается, но я предпочел интерпретировать это как признание их гипнотической силы.

— То есть вы не отрицаете коммерческий аспект? Вы бы продали свою картину за хорошие деньги?

— Я бы продал что угодно за хорошие деньги, Вера. Я даже продал бы свою душу, но дьявол сказал, что рынок перенасыщен предложениями от менеджеров среднего звена и политиков. У них, знаете ли, оптовые скидки.

— Цинизм, — констатировала Вера. — Классический защитный механизм неудавшегося романтика. Вы, Аркадий, на самом деле жуткий романтик. Такие, как вы, прячутся за иронией, потому что мир не соответствует их идеалам. А мир вообще никому ничего не должен соответствовать. Он просто есть.

Аркадий помолчал, разглядывая её. Она была права. Она была чертовски права, и это его одновременно бесило и восхищало.

— Хорошо, — сказал он медленно. — Тогда давайте про вас. Вы работаете в банке. Вы помогаете людям расставаться с деньгами. Вы — часть системы, которая превращает живых людей в кредитные истории, а их мечты — в ипотечные договоры. Как вы спите по ночам?

— На ортопедической подушке, — парировала Вера. — И знаете, вполне неплохо. Потому что, в отличие от вас, я не считаю, что система — это абсолютное зло. Система — это просто инструмент. Как молоток. Можно забивать гвозди и строить дом, а можно размозжить кому-то голову. Выбор за человеком. А моя работа, между прочим, состоит в том, чтобы люди, которые берут этот молоток, хотя бы прочитали инструкцию по технике безопасности.

— Инструкцию, написанную мелким шрифтом?

— Мелким шрифтом написано то, что люди не хотят читать крупным. Человеческая природа, Аркадий. Никто не хочет знать правду, если она мешает получить желаемое. Я это вижу каждый день. Приходит мужчина, хочет взять кредит на свадьбу. Я говорю: «Ставка двадцать три процента, вы переплатите вдвое». Он кивает и подписывает. Потому что невеста хочет ресторан с фонтаном. Через год он приходит и говорит: «Вы меня обманули». Я ему: «Я вам всё рассказала». А он: «Но я же думал, как-нибудь обойдется». Вот она, великая русская формула: «как-нибудь обойдется». Это не банк, это национальная идея.

Аркадий рассмеялся. Смех у него был неожиданно молодой, почти мальчишеский.

— Браво, — признал он. — Один-ноль в вашу пользу. Но позвольте уточнить. Если система — это инструмент, и вы такая честная, зачем вам эта сумка?

Он кивнул на виновницу их знакомства. Вера опустила взгляд на злосчастную реплику и вздохнула.

— Хотите честно?

— Только так. Врать вы, чувствую, умеете, но я хочу послушать правду.

— Эту сумку мне подарила Наталья, подруга. На день рождения. Сказала: «Вера, ты выглядишь как серая мышь, которая работает в банке. Добавь в свою жизнь гламура». И я добавила. Потому что иногда так устаешь от собственной серости, что хочется хоть на полчаса притвориться кем-то другим. Понимаете?

— Понимаю, — кивнул он. — Это как у меня с галстуком. Я его ненавижу, но надеваю. Потому что если я приду в офис без галстука, Пупков, мой начальник, начнет орать. А когда Пупков орет, у меня падает вдохновение. Цепная реакция. Галстук — плацебо для идиота, который дает мне зарплату.

— Пупков? — Вера прыснула. — Seriously? Пупков?

— Фамилия такая. И характер соответствующий. Если бы Гоголь жил в наше время, он бы написал «Мертвые души-2: Пупков и пустота».

— А кто вы по должности? Гоголь при Пупкове?

— Ведущий специалист отдела аналитики. Звучит гордо. На деле — я считаю, сколько пластиковых окон мы продали в регионе и почему в Мухосранске падают продажи. Отчеты, таблицы, презентации в PowerPoint. Иногда мне кажется, что PowerPoint — это изобретение дьявола, который хотел отнять у человечества способность мыслить линейно. У нас теперь даже мысли слайдами идут. Заголовок. Три буллиты. Вывод. Спасибо за внимание.

— А живопись, стало быть, ваш бунт против слайдов?

— Живопись, — сказал Аркадий, и его голос стал серьезным, — это единственное место, где я могу быть честным. Там нет скрытых комиссий. Там нет мелкого шрифта. Там есть цвет. А цвет не врет. Понимаете, Вера, красный — он всегда красный. И синий — всегда синий. И когда ты смешиваешь их на палитре, ты получаешь фиолетовый. Это единственная в мире сделка с гарантированным результатом.

Он замолчал. Она тоже молчала. За окном кофейни текли по стеклу струйки дождя. Бариста всё так же медитировала над кофемашиной, и пар от кипятка поднимался вверх, как жертвенный дым какому-то техногенному божеству.

— Знаете, что меня пугает в современном мире? — вдруг спросила Вера тихо. — Даже не пугает. Печалит. Люди разучились разговаривать. Не обмениваться информацией — это как раз умеют. А именно разговаривать. Как мы с вами сейчас. С риском. С уязвимостью. С готовностью признать, что собеседник в чем-то прав. Все боятся показаться глупыми. Или смешными. Или недостаточно успешными. И поэтому говорят лозунгами. Как мой сын. Или цитатами из пабликов. Как моя подруга Наталья.

— Или не говорят вообще, — добавил Аркадий. — Сидят в телефонах, уставившись в экраны, где чужие, отфотошопленные жизни текут, как слюна по подбородку спящего. Вы замечали, Вера, что в соцсетях все счастливы? Там нет несчастных. Там нет уставших. Там нет людей с грязными ногтями и просроченными кредитами. Там все на Бали. Или в ресторане. Или в спортзале. Вечный праздник. А жизнь — она вот.

Он обвел рукой прокуренное помещение кофейни, грязный пластиковый стол, треснутую солонку с кристаллами слежавшейся соли.

— Жизнь — это «Кофеиновый рай». С пафосным названием и дешевым кофе. И нам в ней жить.

— И что же делать? — спросила Вера почти шепотом.

— Не знаю, — Аркадий пожал плечами. — Я пробовал всё. Алкоголь — помогает временно, но потом становится хуже. Спорт — скучно. Религия — я слишком зол для религии. Остается только одно.

— Что?

— Находить людей, с которыми можно поговорить о тщетности бытия, глядя на треснутую солонку. Людей, которые не будут делать вид, что всё в порядке. Которые признают, что живут в мире реплик, но не теряют способности отличать подлинник, когда он им попадает.

Вера подняла на него глаза. В них стояли слезы. Она сама не ожидала этого. Какая-то глубокая, запятанная в дальний угол души печаль вдруг поднялась к горлу.

— Вы знаете, — сказала она, и голос её дрогнул, — я уже лет десять не плакала. Честное слово. Ни на одном фильме. Ни на одной книге. Ни на одних похоронах. Думала, высохла. А тут вдруг — сижу и реву из-за какой-то солонки.

— Это не солонка, — Аркадий протянул ей бумажную салфетку. — Это соль жизни. Которая, как известно, и есть вся суть.

Она высморкалась. Потом улыбнулась.

— Знаете, как называется мой любимый вклад в нашем банке? «Мечта». От пятисот тысяч. Под двенадцать процентов годовых с капитализацией. Мечта с капитализацией. Представляете?

— Представляю. А знаете, как называется последний рассказ, который я написал для Машки? «Как ежик Федя победил злого волка с помощью налоговой декларации». Там волк уклонялся от уплаты налогов, и Федя нашел на него компромат в офшоре.

Вера засмеялась. Слезы еще не высохли, а она уже смеялась. Это было странное, пьянящее чувство — быть с человеком, с которым можно плакать и смеяться почти одновременно. Который не пугается твоих слез и не считает тебя истеричкой. Который понимает, что смех и слезы — это просто два регистра одного и того же человеческого голоса.

— Аркадий, — сказала она вдруг, — а можно я задам вам бестактный вопрос?

— Бестактные вопросы — моя специализация. Валяйте.

— Вы счастливы? Ну, хоть иногда?

Он задумался. Надолго. Так надолго, что она уже пожалела о своем вопросе.

— Знаете, — сказал он наконец, — я думал об этом. Много думал. У меня есть определение счастья. Оно не общепринятое, но меня устраивает.

— Какое?

— Счастье — это когда количество моментов, о которых ты не жалеешь, превышает количество моментов, о которых жалеешь, хотя бы на один. На один-единственный. Это всё.

— И у вас этот баланс положительный?

— Сегодня, — сказал Аркадий, глядя ей прямо в глаза, — да. Определенно положительный.

Вера почувствовала, как внутри разливается тепло. Не страсть. Не влюбленность. А что-то более тихое, глубокое. Как будто она долго плутала по чужому, холодному городу и вдруг зашла в дом, где её ждали.

— Мы с вами знакомы два часа, — сказала она. — А мне кажется, что я знаю вас всю жизнь. Это какая-то иллюзия, да? Когнитивное искажение? Гормональный сбой?

— Это искусство, — ответил Аркадий серьезно. — Настоящее искусство — оно всегда создает иллюзию узнавания. Ты смотришь на картину, которую никогда раньше не видел, и думаешь: «Господи, это же я. Это же моя жизнь. Как он угадал?». Мы с вами просто написали друг друга за два часа. Как два художника, которым дали по холсту и сказали: «Рисуйте собеседника». И угадали. Попали в цвет.

— И что теперь делать с этими картинами?

— Повесить на стену и любоваться. Или дописывать дальше. Зависит от того, насколько мы оба решимся на продолжение сеанса.

За окном уже совсем стемнело. Дождь усилился. Бариста демонстративно начала мыть кофемашину, намекая, что кофейня скоро закрывается.

— Мне пора, — сказала Вера. — Завтра на работу. Принимать вклады и объяснять людям, что мечта с капитализацией — это не то же самое, что мечта без капитализации.

— А мне завтра считать окна и делать слайды для Пупкова. И в свободное время думать о природе фиолетового цвета.

Они встали. Аркадий помог ей надеть плащ. Жест был старомодный, почти забытый, но от этого особенно приятный.

— Вера, — сказал он, когда они стояли у выхода. — Я понимаю, что это прозвучит как цитата из плохого романа. Но я буду рад, если мы продолжим этот разговор. Не обязательно о высоком. Можно о ерунде. О погоде. О том, почему бариста в «Кофеиновом раю» выглядит так, будто ей только что сообщили о смерти любимой кофемашины. Мне было с вами... хорошо.

— Мне тоже, — честно ответила она. — И знаете, что самое странное? Я ведь обычно ненавижу людей. То есть не то чтобы ненавижу, но предпочитаю держаться на дистанции. А с вами дистанция как-то сама собой сократилась до нуля.

— Это потому что мы с вами — два полюса одного магнита. Вы — Северный полюс. Я — Южный. И между нами проходит силовое поле сарказма.

— Или просто мы оба слишком долго были одни.

— Или так, — согласился он. — Спокойной ночи, Вера. И спасибо за реплику. Она оказалась подлиннее многих оригиналов.

Она улыбнулась и шагнула в дождливую темноту. Аркадий смотрел ей вслед, пока её силуэт не растворился за пеленой воды. Потом закурил, стоя под козырьком, и подумал, что мир определенно стал на один оттенок ярче. Как будто кто-то добавил в серую акварель каплю кадмия оранжевого.

Дома его ждал блокнот. Он сел за стол, открыл чистую страницу и написал:

«Сегодня я встретил женщину, которая называет свою жизнь репликой. Она умна, как Витгенштейн, и печальна, как нераспроданный тираж стихов. Она работает в банке, но не продала душу. Она носит поддельную сумку, но говорит о ней с такой честностью, что сумка становится настоящей. Я думаю, что влюбился. Или просто встретил родственную душу. В моем возрасте это почти одно и то же».

Он перечитал написанное, усмехнулся и дописал внизу:

«P.S. Завтра позвоню ей. Или не позвоню. Или все-таки позвоню. Черт возьми, как же я ненавижу это состояние неопределенности. Оно прекрасно».

Закрыв блокнот, посмотрел на трещину в потолке и впервые за долгое время не нашел в ней ничего печального.

4

Аркадий вернулся домой в том особом состоянии, какое бывает у человека, неожиданно для себя выигравшего в лотерею. Не в денежную — в экзистенциальную. Лотерею, где приз — не миллион рублей, а странное, почти забытое чувство, что мир не окончательно спятил. Что в этом мире еще водятся люди, способные отличить подлинник от реплики, даже если подлинник — всего лишь честный разговор за пластиковым столом.

В прихожей его встретил запах. Запах скипидара, старой бумаги и одиночества. Раньше он казался Аркадию нейтральным, как фон. Сегодня — ударил в нос чем-то затхлым. Словно квартира ревновала.

Он включил свет в «мастерской» — так он пафосно называл угол комнаты, отгороженный стеллажом с книгами. На мольберте стоял неоконченный холст. Фантастический лес, который он начал месяц назад и бросил. Деревья с лицами стариков смотрели на него укоризненно. «Ну что, — говорили их глаза-дупла, — нашел себе бабу и про нас забыл?»

— Заткнитесь, — сказал Аркадий деревьям вслух. — Я художник. Я имею право на личную жизнь.

Деревья молчали. Но в их молчании читался скепсис.

Он прошелся по комнате, поправил рамку с фотографией Машки (та упала, прислоненная к стопке книг), зачем-то переставил банки с кистями с подоконника на стол и обратно. Руки чесались. Хотелось писать. Но не лес. Хотелось писать её.

Он достал чистый лист акварельной бумаги, прикрепил его к мольберту малярным скотчем. Взял уголь. Закрыв глаза. Попытался вызвать в памяти её лицо. Не детали — цвет. Ощущение. Зеленоватые глаза, в которых плескалась смесь иронии и печали. Линия губ, которые то сжимались в саркастической усмешке, то вдруг расслаблялись, становясь почти детскими. Морщинки — эти драгоценные морщинки, которые были не признаком возраста, а картой прожитых эмоций.

Уголь коснулся бумаги. Линия. Еще линия. Овал лица. Намек на прическу.

Через полчаса он отступил на шаг и выругался. С листа на него смотрела чужая, незнакомая женщина. Красивая, но не Вера. Фантом. Реплика реплики.

— Не даешься, — пробормотал Аркадий. — Ну и черт с тобой.

Он скомкал лист и бросил в корзину. Корзина была полна таких же скомканных попыток — портретов Машки, бывшей жены, случайных прохожих, которых он пытался украсть у улицы и перенести на бумагу. Лица не давались ему. Живые люди не давались. Может, поэтому он писал деревья. Деревья не уворачивались.

Зазвонил телефон. На экране высветилось: «Игорь. Не брать». Аркадий взял.

— Привет, гений, — голос Игоря звучал бодро и слегка агрессивно, как всегда, когда он был выпивши. — Ты дома? Я тут мимо проезжал. То есть не мимо. Я специально ехал. У меня коньяк и вопросы к мирозданию. Открывай.

— У тебя всегда коньяк и вопросы к мирозданию, — проворчал Аркадий, но без злобы. Игорь был единственным человеком, с которым он мог разговаривать в три часа ночи о том, почему Римская империя пала и при чем тут современная система образования. — Заходи.

Через десять минут Игорь уже сидел на кухне Аркадия, разливая коньяк по чайным чашкам (чистых рюмок в берлоге не водилось).

Игорь был похож на медведя, который прочитал слишком много книг. Крупный, лохматый, с вечно расстегнутой пуговицей на рубашке и глазами, горящими праведным гневом. Он преподавал историю в обычной московской школе и каждый день вступал в неравный бой с системой образования, родительским комитетом и здравым смыслом. Бой он неизменно проигрывал, но не сдавался.

— Ты представляешь, — начал он с порога, даже не поздоровавшись, — сегодня ко мне приходит мамаша одного оболтуса из девятого «Б» и заявляет: «Вы, Игорь Семенович, неправильно рассказываете про Куликовскую битву. У нас в семье есть альтернативный взгляд. Мы считаем, что татаро-монгольского ига вообще не было, а была междоусобная война славянских князей, которую потом фальсифицировали романовские историки». Ты понимаешь?!

— Понимаю, — кивнул Аркадий. — Альтернативный взгляд. Это сейчас модно. Альтернативная история, альтернативная биология, альтернативная совесть.

— Альтернативная совесть! — взревел Игорь и опрокинул чашку с коньяком. — Именно! Они все хотят альтернативную совесть. Чтобы она была, но не мешала жить. Как аппендикс. Есть — хорошо, нет — еще лучше. Я им про источники, про археологию, про берестяные грамоты, а они мне: «Это всё происки Запада». Какого, к черту, Запада?! Запад в четырнадцатом веке сам в лаптях ходил и жрал желуди!

— Успокойся, — Аркадий подлил ему еще. — Ты же знаешь, что историю всегда переписывают победители. А сейчас победителей нет. Есть только участники ток-шоу.

Игорь замолчал, переваривая услышанное.

— Это ты хорошо сказал, — признал он. — «Участники ток-шоу». Надо запомнить. Вставлю в мемуары. Кстати, как твои рассказы? Написал что-нибудь гениальное?

Аркадий пожал плечами.

— Сегодня написал одну фразу. Про женщину.

— О! — оживился Игорь. — Женщина! Это интереснее, чем Куликовская битва. Рассказывай.

— Нечего рассказывать. Познакомился в кофейне. Разговорились. Она умная.

— Умная? — Игорь скептически поднял бровь. — Умные женщины — это хуже ядерного оружия. От них не спрячешься в бункере цинизма. Они проникают всюду. Чем она занимается?

— Работает в банке.

— Банк! — Игорь всплеснул руками. — Аркаша, очнись! Банк — это оплот мирового зла! Это Вавилонская блудница! Это храм Мамоны! Ты, свободный художник, творец, и вдруг — банковская служащая? Да она тебя в первый же день задушит ипотекой!

— Она не такая, — Аркадий сам удивился тому, как быстро и твердо это сказал.

— Они все не такие, — назидательно произнес Игорь. — Моя Галина тоже была «не такая». А теперь она визуализирует потоки изобилия и верит, что тарелка с изображением коалы приносит в дом гармонию. Коала, Аркаша! Австралийский сумчатый медведь, который питается эвкалиптом и спит двадцать часов в сутки! При чем здесь гармония?!

— Ну, спит двадцать часов — это действительно гармония, — усмехнулся Аркадий.

— Не ерничай. Я серьезно. Женщина — это загадка, которую невозможно разгадать. Можно только принять. Или бежать. Я, как видишь, принял. И теперь живу в окружении расписных тарелок и аффирмаций. Знаешь, что Галя сказала мне сегодня утром? «Игорь, Вселенная посылает тебе знаки. Просто ты не хочешь их видеть». А знак был — квитанция из ЖЭКа с перерасчетом за отопление.

Они выпили еще. За окном шумел дождь. Где-то вдалеке выла сигнализация.

— Слушай, — Игорь вдруг стал серьезным, — я тебе так скажу. Если эта твоя банкирша действительно умная и действительно тебя понимает — держись за неё. Зубами держись. Потому что в нашем возрасте найти человека, с которым можно молчать, в сто раз труднее, чем найти человека, с которым можно говорить. Говорить-то все умеют. А ты попробуй помолчи с кем-нибудь. Чтобы не тягостно было. Чтобы не хотелось заполнить паузу какой-нибудь чушью про погоду. Это, знаешь ли, высший пилотаж.

Аркадий задумался. Он вспомнил, как они сидели в кофейне. Да, они говорили. Много говорили. Но была пара моментов, когда слова кончились, и они просто смотрели друг на друга.

И это молчание было не неловким. Оно было наполненным. Как хорошая картина, на которой ничего не происходит, но оторваться невозможно.

— Ты прав, — сказал он тихо. — Кажется, я встретил человека, с которым можно молчать.

Игорь поднял чашку.

— Тогда выпьем за это. За молчание. Самый редкий язык в мире.

Они выпили. Помолчали. И это молчание тоже было правильным.

Когда Игорь ушел, Аркадий долго стоял у окна. Смотрел в темноту, туда, где угадывались окна соседнего дома. В одном из них горел свет. Желтый, теплый. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется узнать, какое именно окно из этих светящихся прямоугольников — её.

«Не сходи с ума, — приказал он себе. — Тебе не восемнадцать. И даже не тридцать пять. У тебя седина, взрослые дети и неоплаченные счета за коммуналку. Какие, к черту, романтические бредни?»

Но легче не стало. Седина и коммуналка — слабые аргументы против того, что творилось у него в груди.

Вера в это же время сидела в своем кресле. В том самом, обитом зеленым велюром, которое пережило двух мужей и один переезд. В руках — чашка с остывшим чаем. На коленях — телефон. Она пялилась на экран уже минут десять, перечитывая один и тот же абзац из новостной ленты и не понимая ни слова.

В голове крутилась фраза Аркадия: «Это единственная в мире сделка с гарантированным результатом». Про цвет. Про красный и синий. И почему-то эта фраза казалась ей самой эротичной из всего, что она слышала за последние годы. Хотя в ней не было ни намека на что-то неприличное.

«Ты сошла с ума, — сказала она себе. — Тебе сорок два. У тебя взрослый сын, ипотека и должностная инструкция. Ты не имеешь права на вот это вот всё».

Но «вот это вот всё» не спрашивало разрешения. Оно просто пришло и уселось в душе, как кот, который выбрал себе хозяина, и плевать ему на должностные инструкции.

Зазвонил телефон. Наталья. Вера вздохнула и ответила.

— Ну?! — голос подруги звучал требовательно и возбужденно. — Ты была с ним? Вы ходили в ресторан? Он платил? Рассказывай всё!

— Мы пили кофе, Наташ. Просто кофе. В «Кофеиновом раю».

— Кофе?! — в голосе Натальи прозвучало такое разочарование, будто Вера призналась, что провела вечер за раскладыванием пасьянса на похоронах. — Вера, очнись! Мужчина, который приглашает женщину на кофе, а не в ресторан, — это нищеброд! Или жмот. Или, что еще хуже, интеллигент!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.